

ИСТОРИЯ И КНИГА

ЯПОНЦЫ

В СИБИРИ

В 1945 ГОДУ более чем 600-тысячная японская армия, взятая в плен в Маньчжурии, была перемещена в сибирские, дальневосточные и другие лагеря. Мы, сибиряки, да, наверное, и многие другие люди знали о японцах в плену, видели их, даже разговаривали с ними. В Иркутске японцы работали на строительстве первых трамвайных путей, жилых домов, на заводах. Они трудились в шахтах Черемховского угольного бассейна, на соляных разработках в Усолье-Сибирском, на строительстве железной дороги Тайшет—Братск и на многих других работах.

Все это было известно, так сказать, на житейском, бытовом уровне. Сейчас же произошел переход к научному исследованию истории японских военнопленных в СССР. В 1997 г. в Иркутске при содействии областного отделения общества «Россия—Япония» издана книга доктора исторических наук, профессора Иркутского госуниверситета С.И. Кузнецова «Японцы в сибирском плену (1945—1956)». Автор собрал материал в архивах России и Японии, привлек свежие американские сведения по теме, вел переписку с сотнями бывших японских военнопленных, встречался с руководителями их многочисленных ассоциаций и обществ, записал воспоминания не только самих пленных, но и бывших работников лагерей, спешгоспиталей, местных жителей и т.д. Особую ценность представляют материалы архивов МВД СССР, Министерства по делам демобилизации Японии, ЦРУ США... С.И. Кузнецов вместе с японскими представителями составил список мест захоронений военнопленных на территории России.

Книга многопланова и объемна по информации. Она открывается главой о капитуляции Японии и пленении Квантунской армии. Автор строго объективно стремится показать предпосылки скоротечной советско-японской войны и ход сдачи японцев в плен. Проанализированы цифровые данные пленения, которые, по мнению С.И. Кузнецова, должны еще уточняться. Следующие главы посвящены лагерям военнопленных и жизни в них. Сначала создавались фронтные лагеря, в которых формировались этапы для отправки в СССР. В самом СССР было около 70 управлений лагерей японских военнопленных. Из них 34 управления находились в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Пленные были размещены на огромной территории — от Украины, Подмосковья и Казахстана до Магадана, Находки и Сахалина. В Иркутской области, например, оказалось до 70 тысяч пленных — в печально знаменитых Тайшетлаге, Черемховлаге, Иркутсклаге. Лагерь имели десятки лагерных отделений.

В книге проанализирован состав военнопленных. Среди них было порядка 40% крестьян, до 30% рабочих, затем — служа-

щие и др. В плен попали люди самых разных гражданских профессий — агрономы, садовники, лесорубы, рыбаки, железнодорожники, шахтеры, учителя, священники, повара, пекари, строители, связисты, шоферы, врачи, работники контор и банков, фотографы, парикмахеры и т.д. Причем это были молодые люди! Невольно задумываешься здесь о человеческой судьбе, людской беспомощности при постоянных катаклизмах в обществе. Кроме солдат и офицеров в плену оказались до 200 японских генералов.

Конечно, военнопленные подвергались в сталинских лагерях идеологической обработке. В монографии показаны формы и методы этой обработки, которые являлись стандартными для того времени. Гораздо интереснее результаты «перевоспитания» японских пленников. Автор монографии считает их незначительными. Хотя были среди репатриантов и коммунисты, и, возможно, сочувствующие.

Но самым тяжелым испытанием для военнопленных стал подневольный труд. Японцы работали практически во всех сферах хозяйства и строительства. Интересные сведения приводит С.И. Кузнецов об Иркутской области. Довольно много японцев было в самом городе. Кроме авиазавода их лагеря размещались на берегу реки Ушаковки у завода им. Куйбышева, в предместьях Рабочем и Глазкове. По выходным дням военнопленным разрешали выходить в город небольшими группами во главе с офицером. Условия в Иркутске оказались каким-то исключением в сравнении с положением японцев на лесоповале, на строительстве железных дорог Тайшет—Лена, Иркутск—Слюдянка, на добыче угля, слюды, соли и т.д. Там и тяжелые земляные, лесные, шахтерские работы, и зимажная стужа, и летний зной с мошкаркой, и нередко жилье в палатках, землянках и т.п., да и питание слабое. Отсюда болезни и высокая смертность.

Японцы оставили после себя в Сибири построенные ими жилые дома, производственные здания, клубы, театры, дороги, мостовые... И кладбища...

Лагерная жизнь не сводилась, разумеется, только к подневольному труду. Пленные в лагерях стремились к разного рода творчеству, иногда создавали музыкальные ансамбли, ставили любительские спектакли, участвовали в литературных кружках, изготавливали разные вещицы из дерева, коры, камня, занимались рисованием, позднее устраивали спортивные соревнования. Как можно понять, лагерная администрация способствовала творчеству, не забывая при этом об идейной направленности. Интересно, что из среды японских пленных вышло немало известных художников. Они написали множество картин на тему сибирского плена. В «стране восходящего солнца» сохраняются живопись и графика бывших военнопленных, устраиваются выставки. Хорошо бы

сейчас, когда улучшились культурные связи с Японией, организовать такие выставки и у нас, в Сибири, в России.

Первоначально местное население относилось к пленным японцам настороженно, а порой и враждебно. Но со временем, заключает автор, сложились в целом добрые отношения между сибиряками и японцами, простые люди сочувствовали пленным, помогали материально, оказывали медицинскую помощь и т.д. Были хорошие люди и среди лагерной администрации. На добро японцы отвечали добром. В сибирской таежной глубинке, например, японские врачи спасли жизнь многим советским людям. Бывало, что пленные помогали многодетным семьям обработать огород, заготовить дрова и т.д. Однако плен есть плен. Многие японцы, не выдержав неволи, пытались бежать. Но беглецы обычно попадались или гибли. В лагерях зафиксированы разные формы протеста военнопленных: стихийные митинги, отказ от работы, жалобы начальству, голодовки, членовредительство. Репатриация положила конец всему этому.

Репатриация (возвращение на родину) японцев началась в конце 1946 г., особенно интенсивно шла в 1947—1949-м, завершилась в декабре 1956 г. По данным МВД СССР, было репатрировано до 577 тысяч человек. Около 63 тысяч не вернулись на родину: кто-то умер в лагерях, кто-то остался в СССР.

Последняя, четвертая, глава анализирует результаты и последствия сибирского плена японцев. Группы военнопленных участвовали в двух судебных процессах над военными преступниками — в Токийском в качестве свидетелей и в Хабаровском (1949 г.) и как свидетели, и как обвиняемые.

Возвратившись на родину японские солдаты и офицеры столкнулись с новыми трудностями. За годы войны и плена они изменились. Изменилось и японское общество. Бывших военнопленных из СССР встречали настороженно. Они должны были адаптироваться в новой обстановке, бороться за свои права.

Несмотря на трагедию плена, полмиллиона японцев узнали Россию и ее людей. Сейчас в живых осталось около 200 тысяч бывших военнопленных. Многие из них входят в общество японороссийских связей, посещают Сибирь, проявляют чувства дружбы и симпатии к нашей стране. И сама книга С.И. Кузнецова вносит существенный вклад не только в изучение важной историко-политической проблемы, но и в развитие связей между Сибирью (Россией) и Японией. Она найдет — да и уже нашла — своих читателей в обеих наших странах.

Виктор АГАЛАКОВ,
профессор Иркутского
госуниверситета,
доктор исторических наук.
г. Иркутск.